ЕВРОПА 27.07.2020 | Пол Мейсон

… А из круга выйдешь ты?

Европа хочет стать технологически независимой от Китая и США – впереди трудная битва. Лондон уже ее проиграл.

Недавно у меня был публичный звонок в Zoom с высокопоставленными депутатами-консерваторами, которые решили занять более жесткую позицию по отношению к Китаю. До прошлого года тористы рассматривали Китай как рынок, который можно использовать по полной. Потребность в поиске альтернативных решений возникла, когда стало понятно, что Великобритания чрезмерно зависит от технологии 5G Huawei, а в 2020 году к этому мотиву прибавились эпидемия COVID-19, объявление соперничества между Китаем и США и гонконгский кризис.

Госдепартамент США 20 мая заявил, что Пекин не выполнил свои обязательства в сферах «торговли и инвестиций, свободы выражения мнений и убеждений, политических вмешательств, свободы судоходства и полетов, кибершпионажа и других видов шпионажа и краж, распространения оружия, защиты окружающей среды и глобального здравоохранения». Несогласных было немного. Вопрос в том, что с этим делать, – прежде всего в сфере технологий.

Китай заявил, что его стратегия заключается в достижении «технологического суверенитета». В ответ на это президент Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен в этом году сказала, что стремится добиться того же для Европы. США, конечно, технологического суверенитета давно достигли. Они имеют не только Кремниевую долину, но и самые продвинутые военно-научные разработки.

Но когда я спросил британских критиканов Китая, как Великобритания перед лицом предполагаемой угрозы из Китая собирается достичь технологического суверенитета, наступила гробовая тишина (хотя благодаря видеосвязи я понял, что выводы они сделали).

Затруднительное положение Великобритании

Этот разговор послужил прекрасной иллюстрацией затруднительного положения Великобритании. Она решила выйти из Европейского союза и начать в одиночестве лоббировать создание глобальной торговой системы, основанной исключительно на правилах Всемирной торговой организации. Но тем временем геополитическая система изменилась.

В США установился некий вид неолиберального национализма – в книге «Ясное большое будущее» я его назвал, иронически ссылаясь на Иосифа Сталина, «тэтчеризмом в отдельно взятой стране». Китай вырвался из своей добровольной региональной смирительной рубашки и уже превращается в могущественного игрока мировой арены. Тем временем политические элиты Европы начинают признавать, по крайней мере на словах, что ЕС и сам должен усилить свой суверенитет (несмотря на серьезные внутренние преграды). Все существующие тенденции во время пандемии только усилились, а во время дальнейшего экономического спада будут проявляться все больше.

Итак, Великобритания в ловушке. Она может добиться свободы действий от ЕС в торговле, стандартах пищевой промышленности и регулировании технологий ровно настолько, насколько она может уступить свой суверенитет суверенитету США. Мысль о том, что Британия после Брексита могла бы достичь собственного технологического суверенитета, настолько абсурдна, что ни один торист в парламенте даже не пытается это предложить.

«Объединенная» сеть

А вот у Европы это может получиться. Общий регламент о защите данных был только началом. Следующий шаг – проект Gaia-X, который в прошлом году совместно запустили Франция и Германия. Речь идет о создании «объединенной» физической компьютерной сети с конкретными европейскими стандартами безопасности.

Но в остальном путь Европы к технологическому суверенитету остается на уровне намерений. Президент Франции Эммануэль Макрон объяснил, что для его страны значит технологический суверенитет. «Если мы не создадим собственные лучшие разработки во всех сферах – цифровых технологий, искусственного интеллекта, – сказал он в интервью на радио, – решения за нас будут принимать

другие».

Чтобы продвигаться дальше, ЕС нужно начать политическое обсуждение того, что значит технологический суверенитет

Франция создала фонд для финансирования стартапов в сфере искусственного интеллекта на сумму 5,5 млрд евро. Но главный вызов – не разработать технологии, конкурирующие с Facebook и Amazon, а достичь «суверенитета данных» от этих компаний.

За последние 20 лет американские технологические гиганты увеличили свою прибыль и стоимость, собирая поведенческие данные миллионов людей, которые пользуются их сервисами. Когда телефон предсказывает, что пользователь пытается написать, ему это удается, потому что у разработчика есть доступ к текстам сообщений, написанных миллионами других людей.

Если говорить о конкуренции в разработке коммерчески применимого ИИ, то основной источник прибыли – это поведенческие данные идентифицируемых людей. Как мне сказал один менеджер: «Если я соберу анонимные данные 15 млн пациентов, я смогу увидеть закономерности в развитии заболеваний печени. Если у меня будет доступ к идентификационным данным, я смогу предсказать заболевания, с которыми столкнется лично Пол Мейсон, и смягчить их последствия».

Права граждан

Это требование доступа к реестру идентификационных данных уже противоречит гражданским правам в рамках Общего регламента по защите данных (ОРЗД). Отсюда же происходят и обобщенные отказы от претензий, с которыми приходится соглашаться, прежде чем пользоваться базовыми технологиями на смартфоне.

В ответ на это, как объясняется в подробном отчете Седрика Вильяни для французского правительства, Европа должна собирать анонимные данные и отнимать их у американских технологических компаний, классифицируя их как «общее благо». Проблема заключается в том, что пока европейские правительства выбирают национальных лидеров в сфере технологий, раздают деньги и предлагают национально-ориентированные стратегии, у самого ЕС при этом возникают многочисленные структурные проблемы.

А технологическая индустрия США осознает слабость европейского регулирования на практике и готовится к ответному удару. В отчете

для ECIPE, Европейского центра международной политической экономии, связанного с правыми хайекианцами в США, Маттиас Бауэр и Фредрик Эриксон описывают стратегию «разделяй и властвуй».

Они считают, что любые попытки достичь технологического суверенитета в соперничестве с США навредят маленьким странам Восточной Европы и Скандинавии. Они утверждают, что лучше попытаться найти «совместный» подход с Америкой. Несмотря на то что в Европе проживает 450 млн человек, у нее недостаточно масштаба, чтобы занять лидерскую позицию в сфере инноваций либо достичь истинной автономии.

Политическое обсуждение

Чтобы продвигаться дальше, ЕС нужно начать политическое обсуждение того, что значит технологический суверенитет. По мнению комиссара по вопросам конкуренции Маргрет Вестагер, здесь подразумевается задача гарантировать эффективную регуляцию со стороны ЕС: «Возможность контролировать то, что мы делаем... для поддержания нашего регуляторного суверенитета».

А вот Макрон склоняется к созданию европейских компаний – лидеров в сфере технологий, которые могли бы конкурировать с Google, Apple, Amazon и им подобными по мере перехода последних в сферы ИИ, биотехнологий, цифровой валюты и т.д. Для этого необходимо изменить законодательство о конкуренции, чтобы позволить государствам (и самому ЕС) продвигать крупные компании, а также, как намекнул младший министр цифровой экономики в правительстве Макрона Седрик О, способствовать раздроблению технологических гигантов из США.

Для Урсулы фон дер Ляйен речь идет скорее о защите европейской культуры и ценностей – «суверенитете индивидов... обеспечении полного контроля над собственными данными». Тем временем левые скорее рассматривают суверенитет на более подробном уровне, как индивидуальный суверенитет городов и граждан. Для этого продвигаются такие инициативы, как барселонский проект DECODE.eu.

Задача сейчас – создать цифровые пространства для всего континента, где технологии

Как это обычно бывает в ЕС, проблема заключается в том, что реальность меняется быстрее, чем размышления и разработка политики.

функционируют в соответствии с социальными ценностями сильных элит

Концепция технологического суверенитета Китая основана на стремлении не позволить американскому «военно-промышленному комплексу» колонизировать свое цифровое пространство в ходе экономического развития. Когда появился Интернет, ему понадобилось построить информационный брандмауэр вокруг своего репрессированного общества, который одновременно послужил защитой стандартов и конкуренции. Это сделало возможным появление китайских национальных технологических лидеров: Baidu, Alibaba, Tencent и Xiaomi (известных под общим названием BATX).

Однако теперь Китай перешел от обороны к нападению. Он использует мягкую силу технологий – например, технологию 5G от Huawei – чтобы поставить западные и многочисленные развивающиеся страны в зависимое положение.

Другой взгляд на вопрос

Если Европа хочет добиться технологического суверенитета, то в ситуации, когда Китай и США ведут борьбу за стратегическое господство, она должна переосмыслить этот вопрос. Проблема Европы не только в том, что ее собственная технологическая индустрия не может производить мировых лидеров, что ее граждан в одностороннем порядке эксплуатируют американские корпорации или что режим регулирования работает неэффективно.

Задача сейчас – создать цифровые пространства для всего континента, где технологии функционируют в соответствии с социальными ценностями сильных элит. Фондовый рынок США переполнен компаниями, в которых технологии используются для дифференциальных рент, китайское технологическое пространство обуславливают подавление свободы слова, контроль над поведением и слежка за населением.

Европе придется играть в ту же мировую игру, но ее концепция технологического суверенитета должна соответствовать ценностям, правам и свободам ее народов. Таким образом, речь идет о геополитическом и моральном, а не экономическом вызове.

Что касается Великобритании, она даже не принимает участия в игре. За катастрофическим крахом британского доморощенного приложения для отслеживания COVID-19 последовало открытие, что Великобритания вложила деньги в недоказанную спутниковую технологию, пытаясь воспроизвести глобальную навигационную систему Galileo. Для оптимизма повода нет.

Таким образом, даже после выхода из ЕС граждане Великобритании будут больше полагаться на Брюссель, чем на Лондон, для защиты своих информационных свобод. Внедренные Европой стандарты и технологические лидеры, в которых вложат деньги Германия и Франция, окажут большее влияние на мою жизнь после Брексита, чем все, что делает или говорит премьер Борис Джонсон. В этой ситуации у Великобритании пространства для свободы действий очень мало.

Но британский «суверенитет» на самом деле и не был изначальной целью Брексита, здесь больше имели место фантазии о регуляторной свободе и неомеркантилистской империи в мире, которого больше нет.

Данная статья является совместной публикацией Social Europe и IPG-Journal.

Пол Мейсон
Лондон

Пол Мейсон (Paul Mason)- известный британский писатель и тележурналист. В 2016 году вышла его книга "Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему".